

Бюрократизация государственного управления как реальная угроза национальной безопасности

На основе сравнения особенностей функционирования системы государственного управления в Украине с общими закономерностями развития бюрократии и результатами социологических исследований показано, что беспрецедентная бюрократизация стала сегодня реальной угрозой для социальной стабильности в стране, национальной безопасности и обороноспособности государства.

Роль и значение бюрократизации государственного управления и бюрократии как общественно-политического феномена, как особой культуры, паразитирующей на человеческой цивилизации, до сих пор далеко не до конца осмыслена и понята, несмотря на немалое количество научных и публицистических публикаций на эту тему. Ее тлетворное влияние на жизнь общества, на общественное сознание, на устойчивость общественного строя, а значит и на национальную безопасность, все еще недооценивается. Даже самая острая критика тех или иных проявлений бюрократизма происходит у нас на фоне, с одной стороны, сочувствия к такой критике, а с другой, всеобщего благодушия, вязкой тиной окутывающего общественное сознание, и опасной, а потому неприемлемой в данном случае, терпимости к этому злу.

Ведь дело не только в проволочках и дискомфорте, который испытывают граждане от необходимости во многих жизненных ситуациях находить дорогу в извилистых лабиринтах окол-

ластных бюрократических структур. Бюрократический стиль мышления проникает во все поры общественного организма, даже в такие, казалось бы, совершенно несовместимые с ним сферы, как наука и образование.

Когда речь заходит о проблемах национальной безопасности, говорят об экономической безопасности, о влиянии научно-технологического и инновационного развития, о значении социальной стабильности и т.д. Но нетрудно убедиться, что присущие бюрократии пороки самым кардинальным образом влияют и непосредственно на обороноспособность, и на развитие экономики, и на разрушение науки, которая должна оплодотворять инновационные процессы, и на социальную стабильность. В частности, изобретенная бюрократами формальная имитация полезной деятельности приобретает масштабы подлинного социального бедствия, выхолащивая зачастую самые интересные и разумные идеи, превращая многие полезные начинания в нечто совсем противоположное замыслам их инициаторов, в лучшем случае — в лицемерные пиар-акции.

© А.С. Попович, 2014

Поддержка массами народа политики государства, с точки зрения бюрократа, должна проявляться только в послушании, а отнюдь не в политической инициативе. В то же время бюрократическое управление укрепляет стихийный идеализм массового политического сознания – веру во всемогущество воли. В свою очередь эта вера связывает политику с религией и является идейной платформой бюрократии. Тем самым снижается социальная почва диалектического мышления.

Ничуть не отвергая утверждение, что в органах государственного управления работают очень разные люди, что среди них немало и таких, кто искренне предан своему делу и пытается отстаивать интересы государства, все же нельзя не согласиться с выводом, к которому приходит большинство исследователей этой проблемы: принадлежность к бюрократическим структурам в большинстве случаев не остается «безнаказанной» для их работников. Она оказывает огромное влияние на человека, деформируя его сознание и формируя специфические черты личности.

Существование чего-то очень похожего на бюрократию и связанных с ней специфических проблем общественной жизни историки фиксируют еще задолго до нашей эры – в древних Месопотамии, Египте, Китае, Риме, Вавилоне а затем и в Византии и других государствах прошлого (см., к примеру [1, 2]).

И нельзя не согласиться с выводом, к которому пришел М. Вебер: *«Неизвестны исторические примеры того, чтобы там, где бюрократия, достигнув полного и исключительного господства – как в Китае, Египте и не в столь последовательной форме в поздней Римской империи и в Византии – вновь исчезла, разве только вместе с полной гибелью культуры, являющейся ее носителем»*. [3, с. 141]. Более того, история дает немало примеров ее уникальной живучести: бюрократия нередко ухитряется выживать и при крахе того общественно-политического

строения, соками которого она питалась, быстро приспосабливаясь к новым политическим лозунгам, фразеологии, но сохраняя в неизменном виде свои практические приемы социальной демагогии, свою подлинную глубоко аполитичную и своекорыстную сущность.

История демонстрирует небывалый взлет бюрократического влияния в периоды становления новой власти после революций и социальных потрясений. Так было, в частности, после французской революции и после октябрьской революции 1917 года. Причем, если в прежние времена это чаще всего выражалось в готовности служить любому хозяину, то сегодня все явственнее проявляется умение прибрать к рукам любую власть и заставить ее служить своим интересам.

Пронизывающая всю страну, жесткая бюрократическая структура, на первый взгляд, представляется костяком государства, непременным условием его прочности и незыблемости существующей власти. Но неумолимая диалектика развития бюрократии, даже подобострастно служащей самому авторитарному правителю, приводит к тому, что рано или поздно она приобретает известную самостоятельность, начинает тем или иным способом выделять и ставить на первое место свои собственные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами императора и государства, которым она якобы служит. Она действительно пронизывает весь организм государства, паразитируя на нем, так что напрашивается аналогия не с костяком этого организма, а скорее с метастазами раковой опухоли.

Карл Маркс в свое время отмечал, что особенно возрастает влияние бюрократии в периоды истории, когда борющиеся за власть политические силы примерно равны. Тогда истинная власть практически полностью сосредотачивается в руках бюрократии. Именно такая ситуация и складывалась в течение многих лет в независимой Украине.

Объективно неизбежное обособление интересов бюрократии от интересов государства, в конечном счете, подрывает его единство и делает неэффективным механизм управления. То, что при этом «классовое сознание» бюрократии никогда не поднималось выше корпоративной солидарности в решении мелких бытовых вопросов и круговой поруки, покрывающей коррупцию и злоупотребления властью, только усугубляло ее тлетворное влияние. При этом характерное для классической бюрократии полумистическое обожествление государства в наше время все более явственно сменяется практически полным пренебрежением ею интересами страны. Что неизбежно сказывается на состоянии национальной безопасности.

Иерархия полномочий, формирование структуры власти, выстроенной как пирамида, породили в бюрократическом сознании представление о том, что субординация важнее аргументации, — дескать «начальству виднее» и т.д. Тут естественно возникает противоречие между органически присущим бюрократическим структурам абсолютным доверием подчиненных к начальству и крайней желательностью не противоречить мнению руководства, сообщая о положении дел на доверенном участке. Вызванная этим необходимостью «слегка подправлять» факты реальной действительности, дабы не беспокоить руководство информацией, не вписывающейся в его представления, в свою очередь стала источником «двоемыслия», становящегося постепенно орудием обмана и себя, и других. Отсюда органически присущая бюрократии тяга к парадности, казенный оптимизм. Нельзя исключить и корыстных мотивов, толкающих бюрократов на подобную дезинформацию своего руководства.

Неизбежным результатом такой трансформации информации при прохождении ее по бюрократической иерархии становится нарушение обратной

связи — как утверждает теория управления — абсолютно необходимого звена всякой управляемой системы. Органы государственного управления работают, имея весьма приблизительное, а то и совсем неверное представление как о состоянии дел, так и о результатах своих действий. Проблемы национальной безопасности тут не являются исключением — истинное ее состояние, которое обнаружилось сейчас, стало настоящим открытием не только для народа Украины, но и для руководства страны.

Сознание мистифицируется, превращается в род магии, при котором человек уже не в состоянии отличить видимость от реальной действительности, когда дезинформация руководства становится уже искренним самообманом, а казенный оптимизм — духовной потребностью. Критерий истины оказывается подчиненным критерию веры. Способ духовного существования бюрократии — превращение любой живой мысли в мертвую формулу для заклинания действительности, а не для ориентации в ней.

Логично, что за такой мистификацией бюрократического сознания следует постоянная подмена реального дела своевременным рапортом о его осуществлении, а сущность его, да и сама подлинность представленной в подобном рапорте информации, уходит на второй план. Сам механизм управления при этом все более отождествляется с документооборотом, а государственные задачи подменяются чисто канцелярскими. Естественным и неизбежным становится разрыв между словом и делом, а также расцвет формализма, который обнаружил новые возможности все для той же подмены реального дела его видимостью. По существу, в нем нашло свое выражение весьма характерное для бюрократии пренебрежение к сути решаемых вопросов и проблем, к личности людей, с которыми приходится иметь дело.

В то же время регламентация «всего и вся» (по выражению М. Крозье — «ре-

гламентационное безумие» [14]) стала фундаментом самоутверждения бюрократии и материальной основой коррупции в системах государственного управления. Вместе с тем, всякий контроль извне органически противопоказан бюрократической практике и самому бюрократическому сознанию. Тайна создает самый благоприятный климат для расцвета бюрократии и дает ей наибольшие возможности представлять процесс управления как некое магическое священнодействие, недоступное пониманию непосвященных. Особенно ярко это проявляется при формировании бюджета. При этом профессионалы бюджетного процесса вовсе не заинтересованы в его идеальной сбалансированности — ведь чем больше там нестыковок, тем шире диапазон, требующий впоследствии «ручного управления». А именно такое управление наиболее благоприятно как с точки зрения повышения личного авторитета бюрократа, так и его личного благосостояния. Но разве не в результате такого бюрократического «ручного управления» обороноспособность страны была доведена до столь плачевного состояния?

Иерархия в распределении ответственности породила также весьма характерную для бюрократического сознания иерархию ценностей, в которой возникло представление о человеке как о собственности государства, причем цена каждой личности, ее жизни и смерти стала оцениваться в зависимости от должности и положения на служебной лестнице. Отсюда идет бюрократическая спесь и презрение к тем, кто «внизу» (так называемый «синдром ефрейтора»).

Конечно, создание иерархической структуры в системе управления и бюрократизацию этой системы не следует отождествлять. Бюрократия — это не просто иерархия, иерархия техническая или общественная совсем не обязательно подразумевает бюрократию. Например, военную иерархию, которая возникла с появлением крупных армий уже в далекой древности, вряд ли можно

считать бюрократической. Хотя в наше время и в нее не могли не проникнуть, особенно в мирное время, элементы бюрократической практики и обусловленной нею мистификации сознания.

Как уже отмечалось, такая мистификация сознания, сопровождаемая уходом от реальности и обожествлением государства, зачастую отождествляемого с бюрократической структурой, удивительным образом переплетается в бюрократическом мироощущении со стремлением к тотальному контролю и регламентации всего и вся. Возможно, поначалу благими намерениями, стремлением обеспечить четкую реализацию каждым работником предписанных ему функций, независимо от его личных талантов или настроений, диктовалось составление многочисленных предписаний, инструкций и других регламентирующих документов. Но неумолимая диалектика развития такого подхода в бюрократических структурах привела к расцвету формализма — как возможности не утруждать себя выбором альтернативных вариантов при принятии решений.

В условиях полностью размытой и деперсонифицированной ответственности формируется вопиющая некомпетентность многих представителей современной бюрократии, которая в свою очередь побуждает их с подозрением относиться к науке, избегать всяких нововведений. Конечно, это не сугубо украинское явление. Известный «принцип Питера» — *в любой служебной иерархии каждый служащий имеет возможность (и стремится) достигнуть положения, соответствующего уровню его полной служебной некомпетентности* — сформулирован на основе изучения зарубежных бюрократий. Таким образом, эволюция бюрократических структур под влиянием ими же формируемого типа мышления приводит, в конечном счете, к отрицанию первопричины образования самой бюрократии — выделения наиболее компетентных людей для управления как профессиональ-

ной деятельности. Понятно, что при этом происходит вытеснение из структур управления тех, кто несет «неудобную» информацию, компетентность уходит на второй план по сравнению с послушанием и личной преданностью начальству. В Украине же, кроме этих общих закономерностей эволюции бюрократических структур, сказалось еще то, что структуры управления несколькими волнами, порождаемыми сменами приходящих к власти политических сил, пополнились людьми, лояльными к данной силе, но зачастую совершенно некомпетентными и чуждыми современной инновационной культуре.

Фетишизация самого процесса административной деятельности, доходящая до полного игнорирования конечных ее целей и задач, которые, в конечном счете, должны быть решены, также вступает в противоречие с необходимостью профессионализма в организации управления. В свою очередь она ведет к появлению многих новых чисто внутриаппаратных процедур, новых цепей документооборота, абсолютно бесполезных с точки зрения конечных результатов деятельности структур управления, но позволяющих еще более преуспеть в размывании ответственности, а также интенсифицировать имитацию бурной деятельности. В этом смысле «закон Паркинсона», утверждающий, что *размеры аппарата, начиная с некоторого порога, уже не зависят от объема выполняемой работы* [8] (Г.М. Добров формулирует эту истину в виде закона критической массы бюрократии*) — отнюдь не просто остроумная шутка. Т.е. пресловутая рациональность и профессионализм управления, которые издавна служат основным аргументом, оправдывающим формирование бюрократических структур,

* В интерпретации Г.М.Доброва этот закон звучит так: «Когда количество взаимодействующих бюрократов приближается к двадцати трем, у них появляется полная возможность функционировать только во имя этого взаимодействия» [9]

превращаются в лишнюю всякого здравого смысла иррациональность в реальном их функционировании. Здесь происходит диалектическое отрицание отрицания, порождающее системный кризис управления.

Бюрократические правила работы с документами, принципы формализации, структурирования и измельчения любой проблемы, и, в конечном счете, подмены реального дела его видимостью порождают догматизм даже в самом мышлении. Критерий истины оказывается подчиненным критерию веры.

Исследуя проблемы научно-технологического и инновационного развития в Украине, мы постоянно обнаруживаем, что в полном соответствии с общими закономерностями развития бюрократии здесь происходит: расцвет формализма и нарастает пренебрежительное отношение к сути решаемых вопросов и к личности людей, подмена реального дела своевременным рапортом о его осуществлении. Налицо и многочисленные свидетельства того, что механизм государственного управления все более отождествляется с документооборотом, а государственные задачи подменяются чисто канцелярскими. Следствием именно таких подходов стало, в частности, и снижение обороноспособности нашей страны.

Налицо у нас и вечное противоречие бюрократического распределения ответственности, порождающего, в конечном счете, тотальную безответственность, которая достигается, в частности, за счет бесчисленных согласований и «визирований» документов.

В результате достигается деперсонализация ответственности и создаются предпосылки для процветания на высоких должностях даже явно некомпетентных людей. Т.е. работает у нас и классический вышеупомянутый «принцип Питера».

Масштабы подлинного социального бедствия, приобретает у нас изобретенная бюрократами формальная имитация полезной деятельности, выхола-

щивающая зачастую самые интересные и разумные идеи. Так случилось, к примеру, с выделением приоритетных направлений развития науки и техники или инновационного развития – бюрократическая трактовка самого понятия *приоритетное направление* в сочетании с характерным для всякой бюрократии недоверием к науке и особенно развившимся в нашей стране игнорированием бюрократией законов привели к тому, что ныне фактически потерял сам смысл определения приоритетов и утверждения их законом страны. То же можно сказать и о применении для их реализации программно-целевого подхода – предусмотренные законом для реализации приоритетных направлений программы «полностью изжиты». Тем самым уничтожена сама возможность целеустремленной политики государства в сфере науки и инноваций.

Уникальная роль принадлежит бюрократии в истории становления и распада советского государства. Жизнь показала, что, даже с точки зрения сугубо управленческой, громоздкая и неповоротливая бюрократическая система СССР оказалась во многих случаях далеко не оптимальной. Но нравственные, социально-психологические и социально-политические последствия всеобщей бюрократизации страны и партии оказались просто катастрофическими. Ведь на каждом шагу люди видели подмену подлинных атрибутов демократии их имитацией, встречались со всесилием чиновника, который, прикрываясь красивыми фразами, фактически игнорировал интересы людей. Этим исподволь размывалось доверие к партии и действующей от ее имени власти. Сама идея социализма и построения коммунистического общества, которое в первые годы советской власти воспринималось подавляющим большинством народа как реализация мечты о всеобщей справедливости, оказалась скомпрометированной в глазах широких масс.

Это произошло как внутри страны, так и за ее пределами – реальный социа-

лизм оказался вследствие бюрократической его интерпретации далеко не столь привлекательным, как представлялось прежде. И когда искренне преданные коммунистической идее члены партии попытались сбросить с себя грязное белье сталинизма, сила бюрократии оказалась непреодолимой. Можно назвать немало факторов, специфических внешних и внутренних обстоятельств, которые привели к смене политического строя и последующему распаду СССР, но, по нашему глубокому убеждению, бюрократизация была среди них одной из важнейших. Подобных взглядов придерживается и ряд исследователей нашего времени, (например [4, 5, 6]). Неспроста в конце 80-х гг. XX ст. группа социологов, возглавляемая Ю.А.Левадой, писала: *«Тот бюрократический левиафан, с которым нам приходится иметь дело сегодня, не имеет аналогов в истории... Сложилась уникальная система «бюрократического абсолютизма», то есть бюрократии, претендующей на абсолютное господство над обществом»* ([7], стр. 74).

Не вдаваясь в подробности теоретических дискуссий на эту тему, современным политикам и руководителям следовало бы извлечь из печального опыта СССР, по крайней мере, такой урок: самые демократические и гуманистические идеи превращаются в нечто совсем им противоположное, становятся ненавистными народу или как минимум теряют в его глазах свою привлекательность при их бюрократической интерпретации и бюрократической организации претворения их в жизнь.

Наша новейшая история также дает немало тому свидетельств. В независимой Украине, к примеру, не раз на самом высоком уровне провозглашалось, что *для Украины нет иного способа выйти на уровень мировых стандартов, кроме как посредством инновационного развития*. В то же время все попытки ввести в действие какие-либо конкретные механизмы стимулирования инновационной деятельности встречали

самое ожесточенное сопротивление бюрократии. Заявлялось и даже закреплялось в законах независимой Украины, что украинское государство будет развивать и поддерживать науку. Вот как это записано в преамбуле Закона Украины «О научной и научно-технической деятельности»:

«Розвиток науки і техніки є визначальним фактором прогресу суспільства, підвищення добробуту його членів, їх духовного та інтелектуального зростання. Цим зумовлена необхідність пріоритетної державної підтримки розвитку науки як джерела економічного зростання і невід'ємної складової національної культури та освіти, створення умов для реалізації інтелектуального потенціалу громадян у сфері наукової і науково-технічної діяльності, цілеспрямованої політики у забезпеченні використання досягнень вітчизняної та світової науки і техніки для задоволення соціальних, економічних, культурних та інших потреб»[10].

Что же из этого следует? В нашей стране — ровным счетом ничего: вместо последовательной и целеустремленной политики, направленной на поддержку науки, мы наблюдаем нечто прямо противоположное. Организация научных исследований в нашей стране все более опутывается массой бюрократических инструкций и форм, финансирование науки из года в год падало и доведено до 0,33 % ВВП из государственного бюджета (при 0,75 % ВВП из всех источников), хотя законом предусмотрено выделять на науку только из бюджета 1,7 % ВВП. Немудрено, что, вместо продекларированного развития науки, численность исследователей сократилась более, чем втрое.

А ведь такое отношение к науке — свидетельство явного пренебрежения к стратегии обеспечения национальной безопасности. Потому, что в современном мире именно наука является определяющим фактором как развития и процветания экономики, так и обороноспособности государств.

Уровень инновационной культуры нашей бюрократии таков, что эта истина для большинства ее представителей отнюдь не является бесспорной. И проблема усугубляется тем, что наши управленцы бесконечно далеки от современной передовой науки, в том числе экономической. Этим обусловлено, в частности, то, что до последнего времени основным знаменем экономической реформы в Украине представлялись идеи рыночного фундаментализма, которые давно отвергнуты передовой наукой на Западе и резко критикуются отечественными учеными [11]. В докладе возглавляемой лауреатом Нобелевской премии Джозефом Стиглицем Комиссии финансовых экспертов ООН об уроках, которые необходимо извлечь из глобального кризиса, подчеркивается: *«Кризис выявил явные пороки теории рыночного фундаментализма, согласно которой ничем не стесненная деятельность рынка ведет к созданию эффективной и стабильной экономики»*[12, с. 11].

Дж. Стиглиц деликатно говорит об ошибках руководства ряда стран и Международного валютного фонда, игнорирующих эти уроки. Он замечает, что ошибки эти нередко обусловлены и наличием локальных интересов, не совпадающих с интересами стабильного развития мировой экономики. У нас эти «иные интересы» также весьма существенны, но если учесть еще и отсутствие взаимодействия отечественной бюрократии с передовой наукой, то подобные «ошибки» становятся закономерностью, которая представляет серьезную опасность для национальной безопасности.

Наверное, ни в одной стране мира нет такого пренебрежения со стороны бюрократии исполнительных органов власти требованиями, принятыми законодательной властью. Можно назвать десятки примеров, когда и требования законов, и прямые поручения Президента Украины откровенно игнорируются аппаратом министерств нашего экономического блока. Осо-

бенно явно это проявляется при организации финансирования науки.

Трудно переоценить, насколько обусловленный бюрократизацией системный кризис управления подрывает основы всякого государства, но это только одна сторона вопроса. Другая, не менее важная, состоит в том, что при этом происходит отчуждение государственной власти от общества, жизнь которого она пытается регулировать, исчезает доверие людей к органам власти. А именно такое доверие является ключевым фактором стабильности государства и внутренним фундаментом его национальной безопасности.

Разительные доказательства, под-

тверждающие эту истину, получены нами в качестве некоего «побочного результата» при исследовании наращивания социального капитала науки. Мы изучали степень доверия к науке со стороны студентов нескольких вузов Украины (Киев и Каменец-Подольский) [13]. При этом производилось сравнение с доверием к средствам массовой информации и структурам власти. Нас не могло не порадовать, что в глазах студенчества наука заслуживает наибольшего доверия после семьи. Но обнаружилось также беспрецедентное недоверие подавляющего большинства студентов к органам государственной власти (см. таблицу).

Таблица

Сравнение степени доверия студентов к науке и другим институтам государства Украина

Рейтинг доверия	Кому	Преимущ. доверяю + полностью доверяю		Совсем не доверяю + преимущ. не доверяю	
		Киев	Каменец-Подольский	Киев	Каменец-Подольский
1.	Семье	96,1	96,8	1,2	1,2
2.	Науке	74,4	70,7	7,3	7,7
3.	Церкви и религии	37,2	67,1	27,4	12,8
4.	СМИ	15,5	27,9	47,5	27,7
5.	Общественным организациям	24,8	22	36,9	30,1
6.	Правоохранит. органам	11,6	24,2	57,6	37,2
7.	Местн. органам власти	12,4	16,4	61,5	45,5
8.	Верховной Раде	3,87	5,3	77,1	73,7
9.	Президенту	3,1	4,7	77,1	71,3

Как видим, если науке доверяли более 70 % опрошенных (которые дали ответ «полностью доверяю» либо «преимущественно доверяю»), то по отношению к Президенту более 70 % ответили: «совсем не доверяю» или «преимущественно не доверяю». Такой же уровень недоверия обнаружился и по отношению к Верховной Раде. Несколько выше оказалось доверие к местным органам власти и правоохранительным органам, но все равно им не доверяло больше половины опро-

шенных студентов Киева, а в Каменец-Подольском — почти половина.

Конечно, эти результаты характеризуют лишь настроения студентов, традиционно отличающихся большим нигилизмом, но все же они ставят под вопрос перспективы самого существования государственного строя в условиях такого недоверия к его властным структурам. События 2013–2014 гг. подтвердили эти опасения. Сейчас у нас уже другой президент и другая Верховная Рада, но, на наш взгляд,

они свидетельствуют, прежде всего, об отношении к всесилию украинской бюрократии, которая очень мало изменилась после «майдана».

Что мы можем этому противопоставить на данном этапе? — Формально-бюрократическая люстрация вряд ли решит эту проблему. Только

реальная демократизация общественной жизни, может позволить придти к власти подлинным выразителям интересов подавляющего большинства. Необходимо также настойчиво добиваться прозрачности процедур управления, которая существенно ограничивает бюрократический произвол.

1. *Авдиев В.И.* История древнего Востока. Изд. 3-е / В.И. Авдиев. — М.: Высшая школа, 1970. — 608 с.
2. *Попович А.С.* От бюрократизации управления до бюрократизации мысли / А.С. Попович, З.А. Попович. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 392 с.
3. *Вебер М.* Парламент и правительство в новой Германии / М. Вебер. Политические работы 1895 — 1919. — М.: Праксис, 2003. — 422 с.
4. *Макаренко В.П.* Бюрократия и сталинизм / В.П. Макаренко. — Ростов на Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. — 365 с.
5. *Мандель Э.* Власть и деньги (общая теория бюрократии) / Э. Мандель. — М.: Экономическая демократия, 1992.
6. *Роговин В.* Была ли альтернатива?: «Троцкизм»: Взгляд через годы / В. Роговин. — М.: Терра, 1992. — 400 с.
7. *Гудков Л.* Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений / Л. Гудков, Ю. Левада, А. Левинсон, Л. Седов // Коммунист, 1988, № 12. С. 73—84.
8. *Паркинсон С.Н.* Закон Паркинсона / С.Н. Паркинсон. — М.: «Прогресс», 1976. — 447 с.
9. *Добров Г.М.* Капутология // Добров Геннадий Михайлович (1929 — 1989), К. 1999, стр. 69 — 126.
10. *Закон України «Про наукову і науково-технічну діяльність»* від 1 грудня 1998 р. № 285 — XI // Відомості Верховної Ради, 1999. - № 23. — С. 20.
11. *Малицкий Б.А.* Неoliberalизм и кризис инновационного развития экономики. Формула кризиса. — Изд. второе / Б.А. Малицкий. — К.: Феникс, 2013. — 64 с.
12. *Доклад Стиглица.* О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН / Дж. Стиглиц. — М.: Международные отношения, 2012. — 328 с.
13. *Попович А.С.* Сравнение отношения студентов к науке в двух регионах Украины / А.С. Попович, И.В. Ящишина, М.В. Оноприенко // Социология науки и технологий (С.-Пб.), 2013. — т.4, №3. — с. 99 — 106.
14. *Crozier M.* The Bureaucratic Phenomen / M. Crozier. — Chicago: University of Chicago Press, 1964

О.С. Попович

Бюрократизація державного управління як реальна загроза національній безпеці

На основі порівняння особливостей функціонування системи державного управління в Україні із загальними закономірностями розвитку бюрократії та результатами соціологічних досліджень показано, що безпрецедентна бюрократизація стала нині реальною загрозою соціальної стабільності у країні, національній безпеці та обороноздатності держави.